

Предисловие

В чудесной книге «Мост короля Людовика Святого» есть такие слова: «Она принадлежала к тем людям, чья жизнь источена любовью к идее, опередившей на несколько веков назначенное историей время. Она билась с косностью своей эпохи...»¹. О нас, верящих в психическое откровение и понимающих, какое огромное значение имеет восприятие подобных вещей, уж точно можно сказать, что мы бьемся с косностью своей эпохи. Возможно, мы позволили некоторым из наших жизней быть источенными тем, что пока воспринимается как бессмысленное и неблагодарное занятие. Только будущее покажет, стоило ли идти на такую жертву. Лично я считаю, что стоило. Среди разнообразных струн, коих коснулась эта небольшая книга, быть может, найдутся и такие, которые прозвучат в унисон с разумом читателя, а возможно, и подтолкнут его к поиску Святого Грааля*.

*Артур Конан Дойл
Круборо*. 1930*

I

Загадка Гудини*

Часть I

Кто был самым ярким противником медиумизма нашего времени? Несомненно, Гудини. Кто был величайшим физическим медиумом нашего времени? Многие назовут то же имя. Я не вижу способа подтвердить это окончательно и однозначно, но косвенные доказательства могут быть очень сильными, как сказал Торо, обнаружив форель в кувшине с молоком*. Я пред-

¹ Имеется в виду книга Торнтон Уайлдера «Мост короля Людовика Святого»*, вышедшая в 1927 г. (пер. с англ. В. Гольшева). (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

вижу, что вопрос этот будет вызывать споры еще не один год, поэтому, поскольку я хорошо знал Гудини и уделил много внимания этой теме, думаю, мое мнение может вызвать определенный интерес. Если и другие добавят свои воспоминания о нем, чтобы подтвердить или опровергнуть мои выводы, вполне возможно, что истина в конце концов будет найдена.

Сначала я расскажу о том, какое впечатление произвел на меня Гудини. Потом я остановлюсь на некоторых этапах его карьеры, которые лучше других показывают, каким необыкновенным человеком он был, после чего возьму на себя смелость предположить, что послужило источником его уникальных способностей.

Во-первых, должен сказать, что Гудини, проживший долгую, затронувшую все стороны человечества жизнь, бесспорно, является самым интересным и загадочным человеком из всех, с кем я когда-либо сталкивался. Я встречал людей лучших, чем он, и невероятное множество худших, но я никогда не встречал другого человека, в котором бы так же сочетались контрасты и чьи поступки и мотивы было бы столь же трудно предугадать или привести в соответствие.

Сначала, отдавая ему должное, я остановлюсь на положительном в его характере. Он обладал в высшей степени важным для мужчины качеством — исключительным бесстрашием. До него никто не совершал и вряд ли кто-нибудь в будущем осмелится совершить подобные безрассудно отчаянные трюки. Вся жизнь его представляла собой их сплошную долгую череду, и если я назову среди них прыжок с одного аэроплана на другой с закованными руками на высоте три тысячи футов*, становится понятно, на что он был готов. Однако в этом, как и во многом другом, что касалось его, важную роль играл некий психический элемент, с чем он сам с готовностью соглашался. Он рассказывал мне о голосе, не зависимом от его разума или суждений, который говорил ему, что нужно делать и как именно это делать. Он чувствовал себя в полной безопасности до тех пор, пока следовал указаниям этого голоса. «Все

это не сложнее, чем спрыгнуть с бревна, — говорил он мне. — Нужно только дождаться голоса. Ты просто стоишь там, глотая то желтое вещество, которое есть в каждом человеке, а потом слышишь голос и прыгаешь. Однажды я прыгнул, не услышав голоса. Чуть шею не сломал». Из всех признаний, которые я от него слышал, это можно считать самым близким к подтверждению того, что я не ошибся, полагая, что в каждом из его трюков определенную роль играет психический элемент.

Помимо поразительной смелости, одной из его отличительных особенностей была жизнерадостная вежливость и учтивость в повседневной жизни. В его обществе о более приятном собеседнике можно было и не мечтать, хотя за глаза он мог говорить и делать самые неожиданные вещи. Как большинство евреев, он поддерживал прекрасные, достойные всяческого уважения отношения с родственниками. Любовь к покойной матери, похоже, была главной страстью, определившей всю его жизнь, о чем он неоднократно во всеуслышание заявлял и, по моему убеждению, делал это вполне искренне, хотя нам, в чьих жилах течет более холодная западная кровь, это и кажется необычным. Восточного в Гудини было не меньше, чем в нашем Дизраели*. К тому же он был предан своей жене и имел на то все основания, потому что она в не меньшей степени была верна ему, хотя и в этом его чувства находили необычные проявления. Когда во время его осмотра в присутствии сенаторской комиссии какой-то поборник спиритуализма* усомнился в искренности мотивов, заставляющих его вести жестокую и беспощадную кампанию против медиумов, Гудини повернулся к жене и сказал: «Я ведь всегда был хорошим мальчиком, правда?»

Еще одной положительной чертой его характера была забота об окружающих. Я слышал и искренне верю, что он был последним прибежищем для разорившихся, особенно таких же, как он, людей, связанных с публичными представлениями. Эта его благотворительность распространялась даже на умерших, поскольку, когда он слышал, что могила какого-нибудь старого фокусника нуждается в ремонте, то тут же брал дело

в свои руки и неизменно доводил его до конца. Вилли Давенпорт* в Австралии, Боско* в Германии и многие другие его коллеги по актерскому цеху получили от него благодарную помощь. Все, за что он брался, делалось с размахом. Многие люди получали от него регулярную материальную помощь. Один человек заключил его в объятия посреди улицы, и на вопрос возмущенного Гудини, кто он такой, человек этот сказал: «Я тот, чье жилье вы оплачиваете последние десять лет». Гудини очень любил детей, хотя собственных не имел. Он всегда находил время, чтобы дать для молодежи бесплатное представление. В Эдинбурге его настолько поразили вид босоногих малышей, что он собрал их в театре и роздал пятьсот пар обуви. Он был величайшим рекламным агентом всех времен, поэтому можно смело предположить, что об этом поступке было заранее сообщено в местные газеты и что затраты на подобную рекламу себя полностью окупили. Однако есть примеры тому, что благотворительность его не всегда была такой нарочитой. Гудини очень любил животных и обладал удивительным талантом приручать их и обучать различным трюкам. Все эти качества, собранные воедино, делали этого импульсивного человека еще более привлекательным. Стоит отметить, что щедрость странным образом сочеталась в нем с бережливостью. Жертвуя на благотворительность такие суммы, которые пугали его жену, он тем не менее в своем дневнике не преминул со злостью отозваться о прачечной, в которой с него взяли два лишних шиллинга за глажку белья.

На этом можно завершить перечисление его добродетелей, добавив лишь, что каждый из нас был бы очень рад иметь подобный список. Однако все, что он делал, было исключительным, поэтому и другая чаша весов не останется незаполненной.

Одной из главных черт его характера было самолюбие, причем самолюбие до того откровенное и детское, что оно казалось больше привлекательным, чем отталкивающим. Я, например, помню, как, представляя мне своего брата, он ска-

зал: «Это брат великого Гудини». Произнесено это было совершенно серьезным тоном, без тени иронии.

Его огромное тщеславие сочеталось с безграничной тягой к славе, которой он готов был добиваться любой ценой. Ничто не могло остановить его, если он видел способ привлечь к себе внимание. Даже когда он возлагал цветы на могилы мертвых, об этом заранее уведомялись местные фотографы.

Именно желание быть постоянно в центре внимания тесно связано с той яростной кампанией, направленной против спиритуализма, которую он развернул. Он знал, что людей очень интересует этот вопрос, и понимал, какую славу можно на этом заработать. Он постоянно предлагал огромные суммы любому медиуму за выполнение того или иного задания, прекрасно понимая, что, даже если кому-то и удастся его выполнить, всегда можно найти какое-нибудь возражение и отвертеться от выплаты. Иногда он прибегал к уловкам, чересчур показным, чтобы их можно было назвать артистичными. Во время турне по мюзик-холлам в Бостоне он прибыл к зданию городского управления и торжественно пронес перед огромной собравшейся толпой акции на десять тысяч долларов — свою ставку против медиумов. Демонстрация богатств была излюбленным приемом самого Гудини и его собратьев-фокусников. Все это, конечно же, являлось полной нелепостью, поскольку деньги эти могли выплачиваться только в том случае, если будет удовлетворен тот, кто бросил вызов, а поскольку деньги предоставлялись самим бросающим вызов, естественно, удовлетворить его оказывалось невозможно. Классический пример подобной тактики — предложение журнала «Сайентифик американ»* выплатить значительную сумму за любую подтвержденную демонстрацию какого-либо психического феномена и отказ сделать это после экспериментов Крандонов, которые были, пожалуй, наиболее подтвержденным опытом за всю историю психических исследований. Помню, когда я приехал в Нью-Йорк, Гудини побился со мной об заклад на очень большую сумму, что повторит любое из чудес медиумов, которые я когда-

либо видел. Я сразу же принял его вызов и предложил ему материализовать лицо моей покойной матери таким образом, чтобы его узнал не только я, но и другие люди, которые ее знали. Дальше слов дело не пошло, хотя в Англии один медиум проделал это. Если бы он согласился, я бы специально для этого привез своих свидетелей через Атлантику.

Я с готовностью соглашусь, что кампания Гудини, направленная против людей, наделенных сверхчувственным восприятием, была полезна в том смысле, что помогла на какое-то время уменьшить количество фальшивых медиумов, но она носила такой неразборчивый характер и сопровождалась таким количеством фактов нетерпимости и откровенной грубости, что заставила отвернуться от него многих истинных спиритуалистов, озабоченных чистотой своего движения, которые с радостью предоставили бы ему свою помощь и поддержку. Для нас разоблачение ложных медиумов — задача первостепенной важности, но, когда, несмотря на наши собственные свидетельства и свидетельства трех поколений людей, живших до нас, нам говорят, что настоящих медиумов не существует, мы утрачиваем интерес к ним, поскольку понимаем, что имеем дело с некомпетентным человеком. В то же время в Штатах да и в самой Англии, хотя и в меньшей степени, строгий контроль за тем, что происходит в этой области, необходим. Я признаю, что недооценил степень развращенности, существующей в Америке. Впервые я осознал это, когда мой близкий друг миссис Крандон рассказала мне, что получала каталоги товаров от фирм, производящих оборудование для обмана зрителей. Если такие фирмы получают прибыль, значит существуют нечестные на руку медиумы, и перед каким-нибудь новым, еще более решительным Гудини может открыться широкое поле деятельности. Именно эти гиены замедляют наше развитие, и я сам приложил руку к разоблачению многих из них.

В Бостоне есть один зал, который Гудини использовал для выступлений против спиритуалистов. Через несколько недель после завершения его кампании там произошел один интерес-